

Концептуальная перспектива и инструментальная среда
нового исследовательского проекта: Тюпа В.И.
Дискурсные формации: Очерки по компаративной
риторике. М., 2010*

В.В. Максимов
ТОМСК

Панорама современных подходов к дискурсии / дискурсу

Количество конференций, публикаций, диссертаций¹, в составе титульных названий которых содержится слово «дискурс», свидетельствует о том, что у филологии последнего десятилетия появился новый фаворит. Масштаб много- и скорописания на эту тему – показатель не только быстротекущей моды, но и симптом методологического кризиса, проявляющегося в стремлении изменить стиль концептуальной работы и выйти на новый уровень разработок

* Статья подготовлена в рамках проекта «Современная русская литература в Интернете: механизмы преемственности и особенности бытования» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

¹ В качестве наглядного примера обратим внимание только на тематизмы нескольких диссертационных исследований последнего четырехлетия: Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Автореф. ... дисс. докт. филол. н. Волгоград, 2007; Горло Е.А. Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса: Автореф. ... дисс. докт. филол. н. Ростов-на-Дону, 2007; Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов): Автореф. ... дисс. докт. филол. н. Нижний Тагил, 2007; Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: Автореф. ... дисс. докт. филол. н. Волгоград, 2008; Тырыгина В.А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: Автореф. ... дисс. докт. филол. н. М., 2008.

Критика и семиотика. Вып. 16, 2012. С. 338–347.

инструментальной среды исследовательских проектов. Соотношение *концептуальность – инструментальность* может быть использовано как основа для типологического упорядочивания беспрецедентного потока дискурсоведческих штудий, в котором мы видим четыре относительно самостоятельных направления.

Первый случай представлен достаточно широким кругом исследований, ограничивающихся *внеконцептуальным* и *неинструментальным* подходом к проблематике дискурса. Как правило, авторы данных работ обращаются к идеям, которые исходят от основателей дискурсологии. Ценность таких исследований, на наш взгляд, в лучшем случае, исчерпывается стремлением перенести семена западного мейнстрима на русскую гуманитарную почву.

Вторая группа исследований представлена проектами «технологов дискурсии»¹, которые разрабатывают приемы, методики, методы, алгоритмы, одним словом, инструментальную среду дискурс-анализа.

Третья группа исследований собирается в позицию «онтологи дискурса», которые сосредоточены на концептуальных положениях: поиске центральных категорий, их возможной понятийной и терминологической проработке и систематизации². Заметим, что в контексте отечественной дискурсо-логии/графии два последних лагеря – *онтологический* и *технологический*, определяя большие доли рынка научного производства, часто встречаются в рамках одной конференции и, хотя идут по разным обочинам одной дороги, не всегда готовы услышать и понять друг друга. Здесь действительно существует парадоксальный параллелизм и разрыв между областями концептуальных и инструментальных инноваций, именно поэтому сложившееся положение дел мы склонны описывать в терминах научного перепроизводства и методологического кризиса, при этом осмысляя состояние кризисности как максимально продуктивное для современной науки.

Наконец, последнюю группу дискурсоведческих исследований представляет тот редкий вариант удачно найденной и успешно проработанной *меры* соотношения обоих планов, когда между *концептуальной стратегией* и *инструментальным аппаратом* нет зазора, что позволяет исследованию оценивать в качестве системного авторского проекта³. Безусловно, и здесь существуют нюансы, вносящие существенное разнообразие в общую установку на *онтологический просвет* и *технологический прорыв* в их взаимной слаженности. Так,

¹ Мы разграничиваем *дискурсию* и *дискурс* как процессуальное и материальное воплощение культурно-идеологической деятельности. По нашему мнению, «технологическая» аналитика дискурсивного творчества в целом ориентирована на описание операций и процедур (в западном контексте эту позицию представляют Ж. Женетт и Р. Барт).

² Ситуацию дискурсивного поворота гуманитарных наук оформили фундаментальные исследования О. Розенштока-Хюсси, М. Фуко, ван Т. Дейка, Ю. Хабермаса, П. Рикера.

³ По нашим подсчетам, только 5% исследований, написанных и опубликованных «под грифом» дискурс-анализ, относится к данной группе инноваций, открывающих для филологического сообщества возможность реинтеграции в междисциплинарный гуманитарный контекст.

стоит отметить принципиальную неоднородность последней из рассматриваемых групп (условно, «системщики дискурса»), проявляющуюся в наличии трех основных исследовательских предпочтений и траекторий. *Соразмерность* «концептуального – инструментального» может полагаться и достигаться следующими способами интеллектуального движения: от концепции; от операций; «по центру», от репрезентируемой теоретической модели коммуникации. Любопытно, что крайние тенденции почти сливаются с теми подходами, которые мы уже отмечали, используя рабочие термины («онтологи» и «технологии»), хотя, в отличие от этих крайних тенденций, здесь установка на типологическую систематику дискурсного пространства выдержана более последовательно и обнаруживается в постоянном рефлексивном досмотре за ускользающим контуром целого, а следовательно, представленная модель коммуникации сохраняет свою координирующую способность в системе концепции.

Таким образом, центральными игроками на современном дискурсоведческом поле становятся те, кто отстраивает концептуально-инструментальное движение от такого видения *коммуникации*, которое предполагает сведение всего многообразия теоретических и прикладных представлений о ней в единую аналитическую перспективу. Именно к этому полю относится, на наш взгляд, новая книга В.И. Тюпы.

Концептуальный горизонт проекта

В пространстве современной дискурсивной аналитики рецензируемая книга – уникальное событие прежде всего благодаря характеру своей многоадресности. Она адресована практически во все сектора и узкоспециализированные позиции современных гуманитарных наук: историкам и науковедом, психологам и социологам, лингвистам и литературоведам, культурологам и искусствоведам. Все это, условно говоря, внешний круг фронтальной адресации. В контексте современной филологии редко можно встретить исследования, выстроенные в логике системного вызова. Дело в том, что традиционалистская фигура «узкого специалиста», или «хорошо известного в узких кругах исследователя», как правило, остро чувствует рамки своей профессиональной компетенции и редко когда отваживается перешагнуть границы, разделяющие соседние науки, забывая бахтинский методологический призыв «смелее пользоваться возможностями».

Однако, кроме внешнего фронта разноадресности, книга имеет и внутренний фронт адресации, нацеленный на тех исследователей, которые давно уже успешно работают в контексте междисциплинарной кооперации, или реализуют инновационные интердисциплинарные проекты, изменяя привычные представления о способах видения и представления исследуемых объектно-предметных областей, а так же о методах конструирования метаязыков неклассической научной рациональности. Знакомясь с книгой В.И. Тюпы, заинтересованный читатель может найти то, что ему ближе всего: дотошно выверенную концептуальную сосредоточенность на вопросах «ментального становления европейской культуры»; виртуозную проработанность средств анализа различных феноменов дискурсивного творчества; множество наблюдений,

которые возникают по ходу исследования и хотя не приобретают характера отдельных теорий, но открывают манящие перспективы каждому читателю на своем материале проверить, что и они попадают в цели¹.

Думается, что представленная концепция будет совершенно по-разному восприниматься представителями различных гуманитарных наук. Рискнем представить ряд возможных сценариев рецепции.

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что наибольшее возмущение рассматриваемая концепция вызовет в среде **историков культуры**². Камнем преткновения окажутся два вопроса. Первый – о предпочтениях автора в пространстве существовавших и существующих подходов к истории; второй – о предпочтениях автора по отношению к тем или иным регионам культурного развития (условно говоря, Запад – Восток – Север – Юг)³ и непосредственным контекстам культурно-идеологического творчества (наука, религия, искусство, политика, экономика и пр.).

Концепция «компаративной риторики» посвящена проблематике становления ментальной культуры в большом времени, следовательно, она применима по отношению ко всем регионам культурного развития и ко всему пространству контекстов дискурсивного творчества. Думается, нет необходимости доказывать, что такая задача вряд ли является выполнимой в рамках отдельного исследовательского проекта одного исследователя⁴.

¹ Вот, например, одно из таких проходных наблюдений, обладающих высоким эвристическим потенциалом: «Немалое значение для диспозиции речи имеют мера и характер ее реплицированности. <...> “Репликой” в широком понимании может быть названо любое высказывание, предполагающее интерактивную смысловую позицию слушателя (согласие, несогласие, недоумение и т.п.). Высказывание же, не предполагающее внутренней интерактивности (только принятие к сведению), можно назвать «рemarkой» – тоже в широком понимании. С этой точки зрения, всякий текст представляет собой комбинацию ремарок и реплик (в различных соотношениях) или сводится целиком к монореплике или моноремарке. Варьируемые таким образом возможности также ориентированы на различное позиционирование рецептивного сознания» [7].

² Дело в том, что по сложившейся традиции, ценность культурологических исследований определяется не столько новизной и мощностью предложенной авторской концепции, сколько умением морфологически распределять исследуемый «готовый и привычный» материал (здесь в качестве «долгоиграющего образца» следует назвать известные работы В.Я. Проппа, прежде всего «Морфологию сказки»).

³ Сошлемся на исследования А. Неклессы [4] и В. Цымбурского [8], двух авторов, которые существенно изменили традиционные представления о сценариях самоопределения региональных культур (Запад – Восток – Север – Юг), а следовательно, и о стратегиях и типологических возможностях их дискурсивного сопровождения.

⁴ Подчеркнем, что в рецензируемой книге намечается перспективный ход на переписание истории культуры в терминах компаративной риторики, и если этот шаг будет поддержан другими заинтересованными специалистами, то

По сути дела, проблематика книги обсуждается в рамках европоцентристской ориентации¹, именно это обстоятельство может вызвать критику со стороны культурологов, работающих в иных регионально-культурных парадигмах. В то же время следует не упустить из виду то, что В.И. Тюпа неоднократно оговаривает специфику своего концептуального хода. В отличие от ранних и традиционных версий компаративистики, которые исходили из сопоставления феноменов, принадлежащих к *разным* культурам, языкам, регионам, этносам, миро- и жизнеукладам, в новом проекте основным становится поиск места компарации *внутри одной традиции*, разновекторно распластанной по разным стадиям ментальной эволюции. Естественно, с учетом такой интериоризации моментов типологически ориентированного сопоставления и дисциплинарное пространство большой, поликультурной, многоязыковой и разноукладной компаративистики может и должно со временем существенно измениться.

Совершенно иной интерес, при чтении рецензируемой книги, могут найти философы. Хотя здесь, по нашему мнению, может возникнуть любопытная интрига внутрицеховой рассогласованности. Если философы, занимающиеся онтологической проблематикой², найдут в очерках компаративной риторики серьезные стимулы для конструктивной полемики, то представители феноменологического лагеря³ скорее всего отложат книгу в сторону по причине ориентации концепции на «превращенные формы» культурно-идеологического творчества.

Следует заметить, что слово «онтология» является одним из самых частотных в рецензируемой книге, оно встречается в каждом из 12 очерков, поэтому центральным для понимания оснований предлагаемой концепции является второй очерк книги – «Онтология коммуникации», в котором предпринимается интересная попытка нового осмысления традиционного в целом сведения *дискурсивности к коммуникации*.

Как известно, существует необозримое количество представлений о коммуникации и столько же попыток ее дефиниции. В принципе, сегодня уже не-

со временем может быть создана уникальная «Энциклопедия дискурсивного творчества».

¹ Это обусловлено простым фактом: сама «дискурсивность» является изобретением западноевропейской рациональности, что стало наиболее отчетливо осознаваться со времен Р. Декарта и его «Рассуждения о методе», в котором содержание понятия «дискурс» определяется границами одновременно и речевого жанра философского высказывания («рассуждение»), и базовой логической операцией – «(рас)суждение».

² Один из наиболее выверенных вариантов действительно последовательного онтологического подхода к фактам культурно-идеологического творчества представлен в исследовании В. Библихина [1].

³ Так, А.М. Пятигорский в работах последнего десятилетия [5] постоянно обращал внимание на то, что в рамках гуманитарных наук возможности и приемы феноменологического описания используются без должного рефлексивного контроля и смещаются в поле опережающей нормативности (семиотической, герменевтической и культурологической).

возможно найти гуманитарные исследования, которые обходили бы стороной коммуникативное измерение культуры. Поэтому задача «онтологического конструирования коммуникации» кажется, на первый взгляд, невыполнимой. Традиционно коммуникация осмысливается как *медиа́ция, опосредование*, отсюда возникает необходимость использования и соотнесения в одном понятийном поле представлений о «знаке», «тексте», «смысле», «значении» и т.п. Эту группу представлений мы определяем как «семиотико-герменевтическую», которая, как известно, не позволяет выйти к онтологическому видению существа коммуникативности. Чтобы реализовать последнюю задачу, необходимо найти такой ракурс осмысления проблемы, при котором будет обнаружена миропорождающая устремленность коммуникации по условной формуле: «из – общения – в – мир», или «мир – это и есть общение». То есть сама коммуникация превращается в фундаментальную опору, тяжелую точку, которая способна на себе выдержать если не все, то многое и основное, оставаясь незаметной и скрытой от всех форм прямого технологического воздействия и идеологического истолкования.

При таком развороте исходной проблемной ситуации (попытка ответить на вопрос: что есть по своей сути общение?) необходимо отграничить *коммуникацию* от иных реальностей, которые лежат «выше» и «ниже» планов ее существования, а значит, с самого начала предполагается внимание к близким, но разным явлениям и умение их, соотнося, различивать, все более и более приближаясь к сути рассматриваемого. Как правило, *коммуникация* берется в изолированном, вырванном из более широкого контекста, виде, в связи с чем исследование постоянно смещается за границы коммуникативного, неожиданно обнаруживая его даже там, где существуют иные реальности.

Мы придерживаемся методологической позиции, в соответствии с которой *коммуникация* отграничивается с четырех сторон: «сверху» – мышлением, «снизу» – действием, «справа» – пониманием, «слева» – рефлексией¹. Она мыслится как место связи и оказывается везде и нигде, поэтому выстроить ее онтологическую конструкцию можно только как вторичную в связках двух, трех, четырех названных планов. Например, *коммуникация* как производное от связей *понимание – действие*, или *мышление – рефлексия*².

Мы полагаем, что онтологические грани рассматриваемой авторской концепции представляют один из уникальных способов построения локальной онтологии коммуникации, перемещающей в центр исследовательского внимания такую категорию коммуникативно-ментального поля, как «*понимающее общение*», а не, допустим, *понимающее мышление*, или *рефлексивное действие*, или *действие-в-коммуникации* и т.п.³

¹ Этот круг представлений развивался в 1960–80-х гг. в рамках СМД-подхода (системной мыследеятельностной методологии – Г.П. Щедровицкий [9]).

² В принципе, возможно множество способов построения онтологии коммуникации.

³ Существует негласная конкурентная установка на дефинитивную краткость термина «дискурс»: «высказывание с установкой на выражение» (Р.О. Якобсон), «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), «последнее

В отличие от культурологов и философов, науковеды обратят внимание прежде всего на то, как и за счет чего можно из рамок специализированных научных областей (в частности, литературоведения) выстроить движение в сторону широких междисциплинарных контекстов. По нашему мнению, эта тенденция впервые в отечественном гуманитарном контексте стала отчетливо проявляться и набирать силу на переходе от структурных к семиотическим подходам, и здесь знаковым остается опыт Московско-Тартуской школы. Сейчас способность создавать локальные теории осознается гуманитарным сообществом как достаточно усвоенный навык, требующий только одного: соответствующей методологической подготовки и необходимого уровня историографической эрудиции. Новым рубежом развития гуманитарных наук в настоящее время становится умение разрабатывать целые области исследовательской практики и соответствующие им научные дисциплины, что предполагает уверенное владение проектными и программными подходами¹.

Самой непредсказуемой может оказаться реакция рецензента-филолога, так сказать, рецепция из родной для самого автора среды. Дело в том, что исследование экспонирует уникальный метаязык и аналитический инструментарий, который собирается по частям из разных сфер и практик современной науки вообще, а не только из области филологических дисциплин. Такой метаязык иногда производит впечатление рабочего, но никак не терминологического. Исследование В.И. Тюпы отличается высокой плотностью терминологической деятельности, в нем почти полностью отсутствуют фрагменты «вольной» (эссеистической) научной речи. Методическое использование представленных средств может затруднить только одно обстоятельство – сложность удерживания в аналитическом кругозоре большой понятийной системы (в рецензируемой книге такую систему образует 32 терминологизированных понятия)².

целое высказывания» (М.М. Бахтин). Рискнем присоединиться к этой традиции и предложим свою, «руссифицированную» дефиницию: дискурс – «мыслеречедействие».

¹ Назовем ряд направлений, созданных в рамках больших исследовательских проектов и программ: «семиотика культурного поведения» (Ю.М. Лотман), «филологическая герменевтика» (Г.И. Богин), «историческая поэтика» (С.Н. Бройтман), «культурология городского текста» (В.Н. Топоров), «психопоэтика русской литературы» (Г.И. Эткинд), «мегаистория» (И.П. Смирнов), «национальные образы мира» (Г.Н. Гачев), «художественная климатография» (К. Богданов), «геокультурология литературного быта» (В.Г. Шукин).

² Хотя такое количество не является предельным для авторской концепции в рамках теоретико-литературного дискурса, по точному замечанию И.П. Смирнова, «понятийный запас литературоведения беднее логического потенциала литературы» [6, 103].

Инструментальная среда проекта

Во втором разделе рецензируемой книги представлены «демонстрационные анализы» различных феноменов дискурсивного творчества. Основной круг привлекаемых для анализа материалов относится к области литературной практики и эстетической дискурсии.

Следует подчеркнуть фундаментальную установку В.И. Тюпы, которая проявляется в сведении дискурсивной активности к трем основным позициям – референтной (или *кто* и *что* дискурса), креативной (или *как* и *зачем* дискурса) и рецептивной (или *для кого* и *для чего* дискурса). В одной из глав первого раздела, реконструирующей основания теоретической дискурсии, исследователь выделяет три эпистемологические единицы, на которых держится, по сути дела, этот род теоретизированной речи: «категории» – «понятия» – «термины». По нашему мнению, категории корреспондируют референтной, понятия – рецептивной, а термины – креативной компетенции теоретической дискурсии. В связи с этим высшая форма теоретической дискурсивности, она же одна из первых в культурно-историческом аспекте становления теоретизирования, как известно, философского, сначала метафизического, далее диалектического, проявляется в том, что можно назвать «*категориальным дискурсом*», в рамках которого мышление сливается до неразличимости с бытием. Естественно, и здесь остается некий зазор между мышлением и бытием, но он почти неразличим (состояние «нераздельности и неслиянности»). Заметим, что такой тип теоретического философствования, восходящий к «Категориям» Аристотеля, получивший окончательное завершение в лоне немецкой классической философии (Гегель и Кант), после Хайдеггера, в рамках европейской рациональности, становится невостребованным, в связи с чем общий уровень философской, категориально-понятийной работы на протяжении XX столетия заметно упрощается и функционализируется.

Совершенно иной статус в составе теоретизирования имеет понятийная деятельность. Понятия изначально ориентируются в кругозоре возможной адресации, в кругозоре реципиента, как возможная связь, соотношение, как результат деятельности понимания, а не мыслительной рефлексивности, которая разрывает ткань взаимодействия, устремляясь не только к пределам устоявшихся культурных форм, но и к запредельности самой возможности что-то помыслить. Понимание и рефлексивность – контрагенты в составе любой разновидности теоретизированной дискурсии. Основная функция понятийности – перевести мышление в пространство коммуникации, опосредовать мысль превращенными формами адресации, а не прямыми чистыми формами мыслимости.

В таком случае разработка терминосистемы, неважно, в каком масштабе (область науки, научная дисциплина, авторский проект и пр.), превращается в самостоятельное направление теоретической дискурсивной деятельности. Это и есть метаязыковой извод, собственно лексикон и грамматика исследователя, в частности, и исследовательской традиции, в целом. Если обратиться к существующим методам терминологической работы, представленным в контексте

современных гуманитарных наук, то можно выделить как минимум три основные траектории.

Во-первых, существуют исследователи, для которых терминологическая деятельность является фоновым режимом, предполагающим автоматическое использование уже готовых терминов.

Во-вторых, существуют авторы, для которых необходимость проработки терминов ощущается как одна из важных и даже самостоятельных задач. В конечном счете, термины вносят должное и четкое определение в смысловую и коммуникативную установку теоретической работы. Итак, если термины нужны, то открытым становится вопрос о характере и границах самого процесса терминоворчества. Наиболее спорным становится такой путь, в рамках которого термины создаются на границах дискурсивного (категории – понятия) и внедискурсивного (символы, образы) действия. Эта эпистемологическая интрига «понятие / образ» многократно описывалась в науковедении, так как существует большой круг ученых, которые успешно использовали именно такую амбивалентную стратегию терминологического творчества.

Наконец, в-третьих, и это основное русло развития современных гуманитарных наук, терминосистема может выстраиваться как перенос метаязыков из одних научных областей в другие.

В исследовательском проекте В.И. Тюпы разработка операторики, или системы аналитических средств, реализуется в логике третьего «трансфертного» направления. Вряд ли будет целесообразно в рамках данной рецензии обстоятельно рассматривать предложенную автором методику анализа фактов разных дискурсивных формаций, оставим читателю возможность самому почувствовать, как это работает. Обратим внимание только на структуру второго раздела рецензируемой книги.

Пять, а с учетом заключения – шесть, методических очерков, сфокусированы на разнообразных сложно организованных феноменах дискурсивного творчества:

– аналитический диптих *кризисности европейской ментальности* представлен в очерке «Ментальные кризисы культуры в компаративно-риторическом освещении» (Жоашен Дю Белле и Булат Окуджава) и в заключении («Постмодернизм как ментальный кризис»);

– своеобразный «складень» *парадигматической дискурсии* выявляют очерки «Классицистическая парадигма художественности и становление любовного дискурса» и «Чеховский нарратив как дискурс ответственности»;

– еще одна «двойчатка» репрезентирует *проектную дискурсивную активность*, связанную с идеей конвергентности и понимания: очерки «Метаболический дискурс Тейяра де Шардена» и «Диалог согласия» как неориторический проект Бахтина».

Особое место в структуре второго раздела книги занимает глава «Два Silentium'a и гомеровский гимн», которая в композиционном плане ощущается как замок всего раздела по многообразию методов, средств и приемов типологического сопоставления трех текстов, посвященных одной теме, но принадлежащих к разным дискурсивным формациям. Мы полагаем, что полнее всего *инструментальная вариативность* используемых средств представлена именно в данном очерке, поэтому рекомендуем начинать чтение второго раздела с

этого текста, далее переходя к очеркам, в которых содержится аналитика парадигматической дискурсии, и наконец, завершая главами, в центре которых находятся темы «кризисности» и «проектности» дискурсивного творчества.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем системную основу проекта «компаративной риторики», который позволяет по-новому увидеть процессы культурно-идеологического творчества и ментальное пространство европейской культуры, а также место искусства и литературы в его составе.

Литература

1. Бибихин В.В. Мир. Томск, 1995.
2. Генисаретский О.И. Проект и прототип: повторение пройденного к 1976 году // Prometa. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://prometa.ru/olegen/publications/copy_of_45/. 2012. <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/north-south/> Дата обращения – 25.01.2012.
3. Мамардашвили М.К. Классические и неклассические идеалы рациональности. М., 2004.
4. Неклесса А.И. Север и Юг в преддверии новой эры // Русский архипелаг. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/north-south/> Дата обращения – 25.01.2012.
5. Пятигорский А.М. Что такое политическая философия. М., 2007.
6. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем // Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб., 2001.
7. Тюпа В.И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. Серия: Коммуникативные стратегии культуры. М., 2010.
8. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Русский архипелаг. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/north-south/> Дата обращения – 25.01.2012.
9. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.